

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1980-е гг.)

Лариса Александровна КРУШАНОВА,
кандидат исторических наук

Перед российским правительством стоит сложная задача — как сделать Дальний Восток процветающим регионом при условии дефицита трудовых ресурсов, в том числе квалифицированных кадров. Для её решения разработчики современной миграционной политики обратились к советскому опыту по переселению населения из одних регионов в другие. В 2007 г. вышел Указ Президента Российской Федерации (№ 637 от 22 июня 2007 г.) «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», на основании которого были разработаны федеральная и региональные программы. Однако её «успех» является сомнительным. Уже сейчас можно говорить, что реализация программы находится под угрозой срыва.

В связи с этим мы обращаемся к заключительному этапу советского периода. Представляется необходимым проанализировать миграционную политику 1980-х гг., её специфику и особенности реализации на Дальнем Востоке, чтобы выявить положительные и отрицательные стороны. Это поможет определить, в каком направлении следует провести изменения современной миграционной политики, чтобы она действительно была успешной.

1980-е годы — финал советской модели социально-экономических отношений. Этот период можно охарактеризовать в первой половине десятилетия как стабильный, ибо в системе государственного и экономического управления никаких изменений не происходило, даже несмотря на нарастание кризисных явлений в экономике. Но уже во второй половине 80-х гг. в недрах обозначившегося экономического кризиса закладывались основы новой модели развития экономики и государства. Традиционные советские ценности стали дополняться ценностями, присущими капиталистическому обществу, особенно в части формирования доходов.

Бесспорна в этом вопросе роль учёных, которые представляли в органы власти всех уровней итоги своих исследований. Опираясь на полученные результаты, управленцы вносили дополнения в миграционные и социально-экономические программы развития Дальнего Востока. Советские экономисты разработали миграционную теорию, превращая её в практические предложения. Они обращали внимание на зависимость составляющих миграционных процессов от социальных, демографических и экономических факторов, выявили, что миграция, подобно любому явлению, имеет свои законы. Например, вектор сельской миграции направлен в посёлки городского типа или малые и средние города; вектор из малых и средних городов — в крупные и крупнейшие.

Миграция имеет и обратный, или продолжающийся вектор. В этом случае действует закон взаимосвязи факторов наличия жилья, уровня доходов и климата. При совпадении двух из трёх факторов мигрант задерживается в регионе и со временем может перейти в категорию постоянного населения. Как правило, длительность этого процесса составляет около 10 лет. В первые три года после вселения больше всего трудностей связано с обустройством, поэтому наибольший объём льгот мигрант получает от государства в этот период. В случаях, когда ему импонирует только один из трёх факторов или не импонирует ни один, то он либо возвращается обратно, либо едет дальше¹.

Выявив законы миграции, учёные вплотную подошли к теме миграционной политики. Первая такая работа появилась в 1982 г. В.М. Моисеенко в своей статье миграционную политику рассматривает как основной элемент, формирующий миграционные процессы². Автор выделяет цели и методы управления миграционными процессами, взаимосвязь перемещения с естественным и социальным движением населения. Ряд целей, например стимулирование движения населения на восток, носит общегосударственный характер и требует согласованных «миграционных» усилий со стороны регионов.

Миграционные процессы, проходившие на Дальнем Востоке в 1970—1980-е гг., стали объектом исследования прежде всего экономистов (Е.А. Мотрич, С.Н. Леонов и др.). Учёные-дальневосточники анализировали миграцию как способ обеспечения отраслей народного хозяйства трудовыми ресурсами, формирования населения, а также выявили, какие факторы влияли на закрепление населения в регионе и др.³ Изучение процесса формирования населения и трудовых ресурсов вывел учёных на разработку проблемы уровня квалификации трудовых ресурсов в народном хозяйстве Дальнего Востока⁴.

Особое внимание В.М. Моисеенко уделила методам регулирования миграции, выделив административно-плановое, материальное и моральное стимулирование. В плановом регулировании учитывается баланс трудовых ресурсов регионов и наличие целевых комплексных программ. В методах материального стимулирования ведущее место занимали районные коэффициенты, введённые к заработной плате работников, занятых в регионах освоения. В число методов материального стимулирования входили общественные фонды потребления в виде льгот, преимуществ в пенсионном обеспечении, особенно жильём. Пропаганда и агитация, например новостроек Дальнего Востока, являлись методами морального стимулирования. Административные методы управления были связаны с правилами прописки и выписки населения, условиями приёма на работу, получением жилья, распределением специалистов и т.д.⁵

Большой вклад в изучение миграционных процессов на Дальнем Востоке внёс Л.Л. Рыбаковский. Он разработал структуру миграционной политики, расширив круг целей. Среди них он назвал привлечение мигрантов на временное местожительство, создание постоянного состава населения, обеспечение промышленных объектов рабочей силой в слабоосвоенных регионах, стабилизацию населения в тех или иных местностях, повышение миграционной активности коренных жителей ряда республик, ограничение на въезд мигрантов в некоторые населённые пункты и др. Достичь поставленные цели он предложил, используя методы, направленные на повышение миграционной подвижности среди имобильного, но быстро возрастающего населения.

По Рыбаковскому важной составляющей миграционной политики является концепция, которая объединяет взгляды, кого, откуда и на каких условиях

следует привлекать в заселяемые регионы и какие меры необходимо для этого предпринять в местах выхода мигрантов, в пути следования и районах вселения. Причём она должна иметь научное обоснование, так как представляет единую систему средств и методов осуществления той или иной миграционной политики. Л.Л. Рыбаковский повторил мысль других учёных, что для повышения степени приживаемости новосёлов в регионе следует создавать в заселяемых районах лучший комплекс жизненных условий⁶.

Наряду с решением экономических задач (обеспечение трудовыми ресурсами отраслей народного хозяйства) правительство старалось не озвучивать проблему — демографическое укрепление приграничной с Китаем территории, направленное на обеспечение безопасности дальневосточных границ. Несмотря на наличие инструкций, где указывалось, по каким критериям и кого можно принимать в число организованных мигрантов, чиновники стремились выполнить планы переселения, т.е. переселить, исходя не из качественных характеристик, а из количественных показателей. В частности, указывалось, что с 1960-х гг. в структуре организованных мигрантов, прибывших в сельское хозяйство Дальнего Востока, увеличилась доля лиц, ранее судимых, никогда не работавших в этой отрасли, постоянно менявших место работы и т.д. Это касалось и оргнабора. В случае неудовлетворённости условиями труда и местом проживания (что было достаточно часто) такие «орграбочие» и «сельхозмигранты» переходили в другие отрасли и переезжали, но нередко это происходило внутри региона вселения⁷.

Таким образом, миграционная политика советского государства на Дальнем Востоке опиралась на такие базово-теоретические принципы, как демографическое укрепление приграничной территории и обеспечение отраслей Дальнего Востока трудовыми ресурсами, взаимосвязь социально-экономического и демографического развития страны.

В 1960—1980-х гг. в регионе постепенно возрастали недостатки и сложности, связанные с исчерпанностью экстенсивной модели развития экономики. Присущие СССР в целом, на Дальнем Востоке они усугублялись отдалённостью, слабоосвоенностью, тяжёлыми природно-климатическими условиями, что увеличивало издержки производства, особенно затраты на рабочую силу. При этом качество жизни было ниже общероссийских показателей, о чём писала в своей работе А.С. Ващук⁸.

Во второй половине 1950-х — начале 1970-х гг. руководство страны делало попытку включить Дальний Восток в «единый народнохозяйственный комплекс страны». Его специализацией, исходя из региональной специфики, стало производство продукции военного назначения и добыча природных ресурсов. К концу 1970-х гг. на Дальнем Востоке экономика сформировалась как ресурсно-ориентированная с учётом пограничного положения региона. Быстрыми темпами развивались энергетика, угле-, нефте-, лесо- и горнодобывающая промышленности, а также рыбная отрасль и машиностроение. В 1987 г. была принята Долговременная государственная программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2000 г., но экономический и политический кризис, приведший к распаду СССР, остановил её реализацию⁹. Но и в ней немалое место занимала добыча ископаемых, рыбы, разработка лесных богатств и т.д. Государству необходимо было обеспечить развитие преимущественно этих отраслей. Поэтому очередной реструктуризации подверглась государственная система перераспределения трудовых ресурсов в стране.

В феврале 1967 г. образовался Государственный комитет по использованию трудовых ресурсов, который подчинялся непосредственно Совету Министров РСФСР. Его основными задачами являлись: разработка и проведение мероприятий по переподготовке рабочих и их перераспределению; трудоустройство и информация; изучение состава трудоспособного населения; проведение организованного набора рабочих и планового переселения. Теперь при реализации политики по перераспределению трудовых ресурсов государство увязывало воедино два процесса — перераспределение и трудоустройство кадров с их переподготовкой¹⁰.

В мае 1969 г. в качестве низовых органов Госкомитета создавались городские бюро по трудоустройству и информации населения. Целью создания службы по трудоустройству явилась необходимость преодоления очевидных последствий нерационального использования рабочих в предшествующие годы, обеспечения согласованности спроса и предложения на труд, а также сокращения потерь, связанных с избыточным движением кадров¹¹. В качестве эксперимента такие бюро открылись в девяти городах. В 1970 г. их насчитывалось 134, а в 1977 г. — 372, преимущественно в городах, где численность жителей была не менее 100 тыс. чел.¹² На Дальнем Востоке — это Владивосток, Хабаровск, Уссурийск, Комсомольск-на-Амуре, Южно-Сахалинск, Петропавловск-Камчатский. К концу 80-х гг. такие службы по трудоустройству действовали во всех городах и районных центрах со статусом — посёлок городского типа.

Сотрудники оказывали помощь в поиске работы лицам, обратившимся в бюро, им давали информацию, какие предприятия, организации и учреждения города нуждались в кадрах. В случае отсутствия подходящей работы их ставили на учёт. Через эти структуры в общественное производство вовлекались пенсионеры, школьники и другие категории населения. В функции бюро входила также разработка для предприятий предложений по подготовке, распределению и использованию рабочей силы. Бюро стало реальным посредником между населением и предприятием в вопросах трудоустройства. При этом выявлялась действительная потребность предприятий в кадрах путём сопоставления плановой и фактической численности работников, оказывалась помощь в комплектовании кадров, учитывалась значимость предприятий и организаций в системе народного хозяйства района, города, края или области¹³. Появление новой структуры положительно повлияло на приток мигрантов на Дальний Восток. Так, в 1966—1980 гг. в регион прибыло 4,3 млн. чел.¹⁴

Формирование населения пионерных районов происходило под влиянием крупных резервов трудовых ресурсов европейской части страны, не занятых в отраслях народного хозяйства. В 1970-е гг. из этой сферы в общественное производство было вовлечено около 15 млн. чел. Это позволило масштабно (а заодно нерационально) осваивать кроме Сибири и Дальнего Востока Северо-Восток, Европейский Север, Заполярье, что стало в 1980-х гг. причиной напряжённости баланса трудовых ресурсов. Соответственно привлечение трудовых ресурсов на Дальний Восток в большей степени стало зависеть от социально-экономических условий труда. С этой целью правительство широко использовало систему льгот, которые повышали номинальные доходы населения. Наиболее распространённой была районная надбавка. Она различалась в зависимости от климатических условий и степени освоённости той или иной части региона (например, в Приморском крае — 20%, а на Чукотке — 100%)¹⁵.

Введение надбавок к заработной плате и внимание государства к Дальнему Востоку обусловили прирост населения. Так, если в 1959 г. численность населения региона составляла 4,8 млн. чел., то в 1979 г. — почти 5,9 млн. чел. По переписи 1989 г. здесь проживало более 7,9 млн. чел., в 1991 г. — 8,06 млн. чел., к 2005 г. численность дальневосточников должна была увеличиться до 9,7 млн. чел.¹⁶ Традиционно прирост населения страны происходил за счёт более высокой рождаемости среди сельских жителей. Но с 1950-х гг. наблюдалось её фактическое и доленое снижение. Более того, начиная со второй половины 1960-х гг. ежегодное сокращение численности селян в РСФСР составляло почти 700 тыс. чел.,¹⁷ что отразилось как на миграционном притоке, так и на количественном росте численности дальневосточников.

В 1970-е гг. аналогичная ситуация наблюдалась и на Дальнем Востоке. Например, в Хабаровском крае естественный прирост сократился с 10,6 чел. до 10 чел., в Камчатской области — с 12 до 11,2 чел., на Сахалине — с 11,1 до 10,7 чел.¹⁸ Прирост населения в регионе осуществлялся за счёт миграции. До конца 1970-х гг. темпы механического прироста населения в дальневосточном регионе были благополучными. Удельный вес мигрантов в общем приросте населения, например в Хабаровском крае за 1976—1980 гг., составил 37,1%, в 1981—1985 гг. — 39,7%. На этом же уровне миграция оставалась в 1986 и 1987 гг.¹⁹ (см. табл. 1).

Таблица 1

Темпы прироста снижения численности населения (в среднем за год, %)

	1981—1985	1986—1990	1991	1992
Российская Федерация	0,7	0,7	0,1	-0,1
Дальний Восток	1,6	1,3	-0,3	-1,7
Приморский край	1,4	1,3	0,4	-0,3
Хабаровский край	1,6	1,3	0,3	-0,8
Амурская область	1,2	1,1	0,1	-3,2

Источник: Показатели социального развития республик, краёв и областей Российской Федерации. М.: Госкомстат России, 1992; Рынок труда в России в 1992 г.: стат. сборник. М.: Федеральная служба занятости населения России, 1993.

Анализ таблицы показывает, что в течение 1981—1990 гг. прирост населения на Дальнем Востоке был выше, чем в целом по Российской Федерации. В 1991 г. в Российской Федерации прирост был положительным, а на Дальнем Востоке уже наблюдался отток (в основном за счёт выбытия населения с Чукотки, Магаданской и Сахалинской областей), хотя в южной части региона прирост оставался положительным. В 1980-х гг. инерционно сохранялась традиция советского миграционного движения на восток. В структуре перемещений можно выделить самостоятельные миграции, мобилизационные формы (оргнабор и его разновидность — общественный призыв, сельхозпереселение) и распределительно-директивные (направление специалистов к месту работы после окончания средних и высших учебных заведений).

Обеспечение аграрных районов Дальнего Востока (преимущественно Приморского и Хабаровского краёв, Амурской и Сахалинской областей) трудовыми ресурсами входило в число приоритетных задач государства. Плановая система

обеспечения кадрами через переселение продолжала действовать и в 1980-х гг. Так, по планам на 1980 г. в село на постоянное место работы и проживания должны были приехать в Приморский край более 2 тыс. семей, а в Хабаровский — более 1,2 тыс.²⁰ На практике миграция обеспечивала не более 30% от запланированного. Но именно в первой половине 1980-х гг. прирост аграрного населения Дальнего Востока на 8—10% выше, чем в среднем по РСФСР²¹, так как льготы, гарантированные государством (оплата проезда и подъёмных), значительно покрывали затраты переселенцев. Например, размер «подъёмных» на главу семьи составлял 150 рублей, на члена семьи — 50 рублей. Однако даже постоянное переселение в сёла Дальнего Востока не позволяло обеспечить сельское хозяйство трудовыми ресурсами. Численность сельского населения, хоть и незначительно, но увеличивалась: за период с 1966 по 1984 г. она поднялась с 1,5 млн. чел. до 1,7 млн., т.е. более чем на 200 тыс. чел. (15,2%). При этом удельный вес сельчан в общей численности населения сократился с 28% до 24, особенно в Приморье (с 28% до 22) и Амурской области (с 38% до 33)²².

Причины дефицита трудовых ресурсов крылись в высоком их оттоке из аграрного сектора. Исторически сложилось так, что в СССР сельскохозяйственный труд не был престижным по причине низкой технической оснащённости производства, напряжённого графика работы, особенно в весенне-летний период, отсутствия специальности и квалификации и т.д. Поэтому пополнение происходило за счёт других регионов страны. Так, из прибывших в совхозы Хабаровского края в 1983—1985 гг. только каждый шестой ранее был занят в сельском хозяйстве, остальные 77,5% — это бывшие работники промышленности, строительства и других отраслей²³.

Говоря о причинах слабой закрепляемости мигрантов в сельском хозяйстве, следует отметить, что наряду со стимулами действовали и «антистимулы». Это удалённость Дальнего Востока от центральных регионов страны, климатические особенности, низкий по сравнению с центральными регионами уровень жизни населения. То, что предлагало государство потенциальным переселенцам, уже не отвечало требованиям времени. Ситуацию усложнял повсеместный дефицит сельскохозяйственных кадров. Отрицательно сказывалось интенсивное вовлечение жителей городов и посёлков городского типа, проживавших в краях (областях) набора. С конца 1970-х гг. свыше 30% от общего числа сельхозмигрантов набиралось по внутрикраевому/внутриобластному переселению*²⁴.

Дефицит трудовых ресурсов заставил управленцев обратить внимание на специфические категории населения — лиц, имевших судимость, уволенных за прогулы и / или пьянство и «летунов» по статье 33 КЗоТ РСФСР, п. 4²⁵. Так, среди сельхозпереселенцев, прибывших в первой половине 1980-х гг. в Хабаровский край, ранее были судимы 10—11%, а из уволенных с прежнего места работы — каждый третий²⁶. Не задерживаясь надолго в совхозах, этот «контингент» вскоре пополнял отряд рабочего класса в других трудodefицитных отраслях региона.

Немаловажным аспектом в смене места работы и жительства являлся уровень доходов. Введение надбавок к заработной плате различалось и по отраслям. Так, в сельском хозяйстве Приморского края они не превышали 15—20%, в транспортной и строительной отраслях 40—50%, а в лесной и рыбной — до

* В предыдущие десятилетия доля сельхозпереселенцев по внутрикраевому (внутриобластному) обмену не превышала 20—22%.

60%. Эти отрасли народного хозяйства Дальнего Востока также нуждались в притоке трудовых ресурсов. Для обеспечения их кадрами советское государство широко использовало мобилизационные формы — организованный набор рабочих и общественный призыв. В советской системе перераспределения трудовых ресурсов эти формы получили название «организованных». Для проезда до места работы выдавались «проездные», суточные, которые полностью покрывали расходы. По месту работы им выдавали подъёмные. В зависимости от министерства, на предприятия которого шёл набор, они варьировались от 30 до 200 рублей²⁷.

География оргнабора была достаточно широкой — Курск, Челябинск, Фергана и т.д. Для привлечения организованных рабочих «агитаторы» использовали различные аргументы. Так, в строительную отрасль «завлекали» возможностью получить квартиру в городе, в рыбную — высокими заработками, для некоторых роль играл график работы — 6 месяцев в море, а 6 — на берегу. Большую часть оргмигрантов набирали в самом регионе. Например, края и области Дальнего Востока в 1985 г. предоставляли для г. Комсомольска-на-Амуре до 37% от числа всех орграбочих, европейская часть РСФСР — до 17%, Украина и Белоруссия — до 14%, Сибирь — 12,4%, Средняя Азия — 7,4%. Для системы оргнабора традиционным было привлечение одиноких мужчин. Это было связано в первую очередь с дефицитом жилья. Половой дисбаланс среди орграбочих также негативно сказывался на переход их в категорию постоянных рабочих. Анализ трудовых ресурсов, проведённый рядом научно-исследовательских учреждений, показал, что орграбочие, не обременённые семьями, хуже адаптировались, чаще высказывали неудовлетворение заработной платой и т.д.

Другая категория орграбочих, прибывших с желанием трудиться, также надолго не задерживалась. Например, в 1985 г. было зафиксировано, что менее 3 месяцев проработали 6,4%, менее года — 35,6%. Кроме названных выше причин были и такие, которые можно рассматривать с точки зрения неэффективного управления, в том числе орграбочих неверно ориентировали на климат, условия труда и быта, доходы. От них скрывали реальные условия труда и быта, а также уровень доходов и «стоимость» проживания. Знакомство с дальневосточной действительностью в дальнейшем толкало эту категорию мигрантов на возвращение в места выхода либо переход в другие отрасли и/или дальнейшую миграцию. Среди таких мигрантов в основном были выходцы из Средней Азии.

Постоянный отток рабочих из добывающих отраслей и строительства способствовал тому, что с 1960-х гг. государство предоставило возможность использовать систему оргнабора лицам со статусом «условно-досрочно освобождённые». Такие «орграбочие», составлявшие до 20% от общего числа, покидали работу через несколько дней или вовсе не приступали к ней²⁸.

С конца 1970-х гг. наметилась тенденция оттока из региона коренных жителей. На первое место выходят качественные характеристики уровня жизни. Районные коэффициенты и стажевые надбавки на многих территориях Дальнего Востока не покрывали стоимость проживания. Например, в Приморском крае индекс стоимости проживания составлял 126%, а фиксированная заработная плата — 109%. Аналогичная ситуация была в Хабаровском крае и Амурской области²⁹. На Камчатке, Чукотке и в Магаданской области ситуацию усугублял климат, более тяжёлый по сравнению с южной частью Дальнего Востока.

С целью закрепления населения и трудовых ресурсов в регионе с 1973 г. правительство начало переводить работников производственной сферы на новые тарифные условия, это позволило сократить его отток. Но неоправданное повышение заработной платы в начале 1980-х гг. повлекло за собой дифференциацию как между работниками, так и между предприятиями города, края, наблюдалось снижение заинтересованности в труде. На одних предприятиях введение стажевых надбавок позволило сократить отток кадров, а на других — текучесть только усилилась³⁰. В миграцию стали вовлекаться уроженцы Дальнего Востока, что являлось моральным антистимулом для оставшихся в регионе. Например, в 1985 г. из г. Комсомольска-на-Амуре выбыло 14,5% его уроженцев, 25,8% прожили в городе не менее 10 лет.

Несмотря на перечисленные трудности, государству к концу 1970-х гг. на Дальнем Востоке удалось создать стабильное население. По данным переписи 1979 г. доля проживавших на Дальнем Востоке более 10 лет составляла в южной его части около 50%, проживавших с рождения — 34,1%, в том числе в южной части — 35—36%, в северной — 22—36%³¹.

С конца 1980-х гг. тенденция снижения роли миграции в воспроизводстве населения Дальнего Востока стала приобретать черты кризиса. Всё больше и больше выбывало проживших в регионе более 10 лет либо уроженцев. Однако кризисные явления проявлялись по всей стране, что также отразилось на миграции. Последние организованные мигранты прибыли в сельское хозяйство Дальнего Востока в 1990 г., в промышленность и строительство — в 1991 г. На смену этой категории пришли мигранты со статусом беженцев (вынужденные переселенцы). С конца 1980-х гг. в Приморье и Хабаровском крае стала расти численность российских корейцев, прибывших из Средней Азии.

Распад СССР на независимые государства обусловил появление гастарбайтеров. Экономический кризис на постсоветском пространстве заставил искать людей, преимущественно выходцев из северокавказских и среднеазиатских республик, лучшей жизни, в том числе на Дальнем Востоке.

Таким образом, на завершающем этапе советского периода реализация миграционной политики на Дальнем Востоке проходила в условиях дефицита трудовых ресурсов, который государство восполняло традиционным способом — через мобилизационные формы и вовлечение в трудовые отношения специфической категории мигрантов. Массовый отток населения частично компенсировался за счёт новых мигрантов, получивших статус беженцев или гастарбайтеров. Новая миграционная политика стала опираться не на собственное население, а на внешние трудовые потоки.

¹ Миграция населения РСФСР: сб. статей. М.: «Статистика», 1973.

² Моисеенко В.М. Содержание и тенденция развития миграционной политики в СССР // Вторая Всесоюзная научная школа-семинар «Проблемы управления развитием народонаселения в социалистическом обществе». М.: МГУ, 1982. С. 1—8.

³ Мотрич Е.Л. Заселение южной зоны Дальнего Востока на современном этапе развития производственных сил: дис. ... канд. экон. наук. Хабаровск, 1973; Леонов С.Н. Совершенствование форм обеспечения трудовыми ресурсами промышленности пионерных районов: дис. ... канд. экон. наук. Хабаровск, 1985.

⁴ Колтунов Л.А. Квалификационный уровень трудовых ресурсов, занятых в сельском хозяйстве Приморья // Использование трудовых ресурсов в районах Дальнего Востока.

- Хабаровск: Хабар. кн. изд-во, 1965; Его же. Резервы совхозов Дальнего Востока. Владивосток, 1974.
- ⁵ Моисеенко В.М. Содержание и тенденция развития миграционной политики... С. 4.
- ⁶ Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987.
- ⁷ Крушанова Л.А. Миграционная политика СССР и её реализация на Дальнем Востоке в середине 1940—1960-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007.
- ⁸ Ващук А.С. Социальная политика СССР и её реализация на Дальнем Востоке (середина 1940-х—80-х годов). Владивосток: Дальнаука, 1998. С.
- ⁹ Поповичева Ю.Н. Программы развития Дальнего Востока в исторической перспективе (вторая половина XIX—начало XXI в. // История освоения Россией Приамурья и современное социально-экономическое состояние стран АТР. Комсомольск-на-Амуре, 2007. Ч. 2. С. 216; История Дальнего Востока СССР: (От эпохи первобытно-общинных отношений до наших дней). В 4 т. Кн. 11. Советский Дальний Восток в период дальнейшего развития и совершенствования зрелого социалистического общества в СССР (1971—1979 гг.). (Макет). Владивосток, 1979. С. 99—124.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 10.005. Оп. 1. Л. 1—2.
- ¹¹ Система трудоустройства населения в СССР и пути её совершенствования. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. С. 83, 89.
- ¹² Котляр А.Э., Трубин В.В. Проблема регулирования перераспределения рабочей силы. М., 1978. С. 39.
- ¹³ Система трудоустройства населения... С. 87.
- ¹⁴ Архив Института экономических исследований (ИЭИ) ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1716. Л. 422.
- ¹⁵ Денисенко М.Б. Миграциология. М., 1989. С. 56; Ващук А.С. Социальная политика СССР и её реализация на Дальнем Востоке... Поповичева Ю.Е. Программы развития Дальнего Востока... С. 216.
- ¹⁶ Архив ИЭИ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1716. Л. 422.
- ¹⁷ Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 64—65.
- ¹⁸ История Дальнего Востока СССР. Кн. 11. С. 67.
- ¹⁹ Архив ИЭИ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1727. Л. 79.
- ²⁰ ГАПК. Ф. 510. Оп. 3. Д. 822. Л. 51; ГАХК. Ф. 904. Оп. 10. Д. 1539. Л. 116; Архив ИЭИ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1716. Л. 422.
- ²¹ Там же.
- ²² Архив ИЭИ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1716. Л. 423.
- ²³ ГАХК. Ф. 904. Оп. 10. Д. 1201. Л. 41.
- ²⁴ ГАПК. Ф. 510. Оп. 3. Д. 822. Л. 51; ГАХК. Ф. 904. Оп. 10. Д. 1539. Л. 116.
- ²⁵ Колтунов Л.А. Квалификационный уровень трудовых ресурсов...; Его же. Резервы совхозов Дальнего Востока.
- ²⁶ Архив ИЭИ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1717. Л. 45.
- ²⁷ Миграция населения РСФСР.: С. 75—76.
- ²⁸ Архив ИЭИ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1719. Л. 124; Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. С. 138.
- ²⁹ Архив ИЭИ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1717. Л. 17.
- ³⁰ Там же. Заключительный отчёт «Социально-экономические проблемы населения и трудовых ресурсов Дальнего Востока. В 2-х т. Инв. № 6381. Кн. 5: Проблемы совершенствования социально-экономического управления воспроизводством рабочей силы на Дальнем Востоке. Л. 565, 588, 576. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1717. Л. 17.
- ³¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1716. Л. 397; Д. 1719. Л. 112—113.

SUMMARY: The article by Candidate of Historical Sciences Larisa A. Krushanova “Migration policy of the Soviet State in the Far East (1980s)” studies migration policy in the Far East of the USSR in the 1980s. The author analyses organizations of migrants from the USSR and foreign workers from Vietnam, China and North Korea.